

The background of the entire page is a repeating pattern of irregular, interconnected shapes. The lines forming these shapes are a light pink color, and the small gaps between the lines are filled with a pale yellow color. The overall effect is a dense, organic, and somewhat crystalline texture.

АЛЕКСАНДРА МИХНЕВИЧ

СИМВОЛ №7

Александра Михневич

Символ №7

«Издательские решения»

Михневич А.

Символ №7 / А. Михневич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500571-7

Литературное произведение, написанное петербургской писательницей Александрой Михневич. Сюжеты для произведений писательница берет из жизни.

ISBN 978-5-00-500571-7

© Михневич А.
© Издательские решения

Содержание

Дачные рассказы	6
«Зимний сон»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Символ №7

Александра Михневич

© Александра Михневич, 2019

ISBN 978-5-0050-0571-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дачные рассказы

Выстрел

*Тот человек, которого ты любишь во мне —
лучше меня: я не такой...
Но ты люби!
И я стану лучше себя.
(Михаил Пришвин)*

Родители Лёшки собрались в город.
На один вечер.

Им срочно понадобилось съездить. И они оставляли Лёшку на даче одного.

– Сын мой, – после ужина серьёзно сказал ему папа, с копной тёмных волос и с решительным профилем орла, – ты уже взрослый. И ничего не должен бояться. Ты просто – ты понял меня? – просто переночуешь сегодня один.

Всего одну ночь.

А завтра утром – к завтраку – мы уже появимся.

Договорились?

И – смотри: главное – ничего не бойся!

Ты мужчина!

Помни это. Всегда.

И гордись этим.

– И тут вокруг – свои же дачники, – мягко улыбнулась мама, с мягкими волнами русых волос и с мягкими чертами лица: – Если что, соседи все свои.

Да ты их всех знаешь!

Только на реку один не ходи, а если соберёшься, то с ребятами.

Всё будет хорошо, – снова улыбнулась мама.

И родители уехали в город.

9-летний взрослый Лёшка остался один.

Было пасмурно, и на реку никто не пошёл.

Так, поболтали с мальчишками, посмотрели кинчик...

Потом все разбрелись по своим дачам: родители позвали всех – по домам, а то дождь начинается... и – вот уже – ливанул!..

О! и молния... а грохочет как!!!

Лёшка лёг спать – где и обычно – на втором этаже, в своей уютной мансарде.

Здесь, в маленьком университетском дачном посёлке, домики типовые – почти у всех одинаковые или похожие: двухэтажные, у кого-то с камином, у кого-то с печкой...

И второй этаж – почти у всех – меньше первого: мансардный.

И – почти во всех семьях – мансарду оккупировали отпрыски.

Предоставив предкам – более обширный и представительный – первый этаж.

Лёшка долго не мог уснуть.

Гроза разгрохоталась не на шутку!

Домик то и дело сотрясался от грохочущего грома – то с одного боку... то с другого...

И – окно внезапно освещалось вспышками молнии – озаряя всю комнату...

И выхватывая из мрака – то диван с перепуганным мальчишкой, натянувшим одеяло по самые распахнутые глаза – с уже огромными зрачками!..

То – стол у противоположной стены – с ноутбуком, и с альбомом для рисования, и свёрнутым в трубку ватманом, и богатым набором цветных грифелей и всевозможных мелков...

А то – и ружьё – висящее на потёртом ковре с затейливыми узорами... на той самой стене, у которой стоял диван с перепуганным мальчишкой.

Лёшка ругал себя – и уговаривал – что это всего лишь гроза.

Просто – гроза!!!

И – ты – что, грозу никогда не видел, что ли?!!

Но – новые всполохи – и новые тени!.. едва уловимые – не давали ему закрыть глаза и унять бешеный стук своего сердца.

Наконец, измученный Лёшка всё же заставил себя закрыть глаза.

Точнее – заставил себя – не распахивать их.

Ни при очередном грохоте грома, ни от очередной вспышки молнии.

Он – и хотел спать... да уже давно!

Потому что – уже давно – глухая ночь... совсем глухая...

Часа три уже, или около того...

Ну, вот, – думал про себя Лёшка, – дождусь трёх часов...

И тогда уж усну...

Додумал он сквозь сон.

Провалился куда-то... что-то непонятное и неприятное...

Он понимал: это сон... это всего лишь сон...

И – хотя и сон – но это не просто сон.

Поэтому было очень неприятно.

Вдруг Лёшка в один миг вынырнул из сна.

И распахнул глаза.

На двери в мансарду – почти под потолком – сидела кошка.

На самом верху двери – и раскачивалась.
Точнее – кошка сидела неподвижно – и раскачивала дверь.
Словно готовясь для прыжка.

Лёшка напрягся.
И вдруг ощутил: ужас – животный, дикий ужас – куда-то улечивается...
И даже стук сердца – уже не напоминает самый громкий набат на всю округу.

*«Сын мой, ты ничего не должен бояться.
Главное – ничего не бойся!
Ты мужчина!» – всплыло в голове отцовское.*

А следом – вспомнилось: вообще-то дверь была закрыта.
И – не просто прикрыта: а закрыта на поворачивающуюся круглую ручку.
И – никакая кошка в мире – не способна её открыть.
Если – она – кошка.

И Лёшка – не мог забыть закрыть дверь.
Во-первых, потому что он всегда закрывает её на ночь.
Во-вторых, потому что иначе она скрипит от сквозняка, и какой уж там сон.
А сегодня – из-за шторма – сквозняк будь здоров, и дверь аж шарахалась туда-сюда,
и Лёшка её тем более закрыл.
А в-третьих, *он её закрыл.*

И – к своему собственному удивлению – Лёшка не испугался...
А – наоборот – успокоился.
Внутри – ощутил словно холодок...
Но – не мертвящий холод, сковывающий от ужаса – нет.
А – твёрдый спокойный холодок... спокойствие решимости.
Холодная трезвая голова.

И так получилось – стало возможно – потому что Лёшка – терпеть не мог эту кошку.
Именно эту кошку.

Так-то он котов любил, даже очень!
И никогда не обижал, и вообще животных не обижал.

Но – эту кошку – он почему-то не выносил...

Похоже, что взаимно.

Когда эта кошка попадалась ему на улице – на маленькой уютной улочке между цветущими палисадниками и ухоженными газонами у дачных домиков – кошка явно напрягалась, не то мрачно шипела, не то как-то странно подвывала...

Но он – не пугался. Хотя – когда они встретились впервые – ему было 6 лет.
Но – он посмотрел на неё...

Спокойно так посмотрел – и сказал:

– Э, да ты, кошка, злая. И ты лучше ко мне не подходи. Не будешь ко мне лезть – так я тебя не пну. А захочешь на меня наброситься – то я тебя пну. Ну, и кому хуже?

Даже если ты меня оцарапаешь – всё равно тебе тоже достанется.

И ты мне не нравишься. Ты реально злая. Злобная.

И у тебя – вот именно у тебя – очень плохие глаза.

Какие-то не кошкины.

Ты, наверно, на самом деле – воплощение ведьмы.

Какой-то злой старой ведьмы.

Но я тебя не боюсь.

Сказал он так – спокойно сказал – и пошёл по своим делам. То есть, на речку.

Во всё время его ноты или ультиматума – кошка тихо и злобно выла...

Но – так и не сделала попытки его цапнуть.

А когда они встречались – изредка – посреди дачной улочки – кошка медленно и злобно выла... и – отводила глаза.

Лёшка спокойно проходил мимо.

Ну, в смысле, ноль реакции.

Эту кошку знали все соседи.

И – и вправду – недолюбливали.

И вовсе не потому, что полностью чёрная.

А – злобная была эта кошка потому что.

Кошка была соседки напротив.

Точнее, дом соседки – не прямо напротив. А напротив – и чуть по диагонали.

У соседки были очень хорошие муж и дочка; дочка старше Лёшки года на два.

А сама соседка... Хотя – и вроде такая милая... И любезная, и так одета хорошо и со вкусом, и говорит так вежливо, и приветливо улыбается всем...

Но... что-то в ней было – не то...

И – ещё – Лёшка ловил себя на мысли: когда он видит эту девочку – соседкину дочку... то – почему-то – жалеет её...

А потом... Он поймал себя на мысли – что думает об этой девочке – не только с жалостью... а уже и с какой-то теплотой... и даже с нежностью...

А – потом – понял: она ему нравится.

И вот теперь – в жуткой грозовой ночи – чёрная кошка с плохими глазами – явилась к нему сама.

И – раскачивалась на его двери...

Которую он закрыл, вообще-то! Это ж надо – какая наглость!!

Он – закрыл!! А она – раскачивается!!!

И это – не её дом!

Это – дом его и его родителей!!

И – пусть – катится – туда...

Э, нет...

Лёшка – осёкся... оборвал собственную же мысль...

Нет, нет, ни в коем случае!

Ведь там же... Там эта девочка.

А вдруг – эта поганая ведьма – если не сможет причинить ему вред – то захочет причинить вред ей...

А у неё – и так в последнее время – грустные глаза...

Хотя – такие красивые глазки!! Нежные, голубые...

И – такие весёлые бывают!..

Лёшка – аж любовался невольно, когда – на речке, или где-то случайно – видел, как ей весело, и как она смеётся... издали видел. Так-то они и не общались...

Но – Лёшка – всё равно всё знал о её жизни.

И теперь...

Да нет же!

Ничего у тебя не выйдет, злая ведьма!

Он уже понял: кошка – хочет просто его поугагать – вот и раскачивается на двери – с угрожающим видом... чтобы он – типа, как маленький – описался от страха...

И вообще – забоялся.

Да не дождёшься!

И тут кошка... словно услышала его мысли!

Едва он так подумал – что вообще не боится её!

Вообще не боится – ни её, ни других ведьм, хоть по отдельности, хоть всех сразу вместе взятых.

И – едва он так подумал – кошка прыгнула...

К нему.

И он лишь... он лишь только уловил – что – почему-то она – ещё в прыжке, под потолком – вдруг заслонила собой всё пространство комнаты...

И – очертания – вдруг перестали быть тенью от кошки...

А – стали очертаниями – какого-то другого существа...

Непонятного, но – куда менее приятного, чем обычные котики – и с очень уж большими когтями...

Слишком ты великовата – для кошки-то, – только и успел подумать Лёшка...

А дальше всё произошло молниеносно.

Молниеносно он вскочил, и – в тот же миг – раздался выстрел.

И – в тот же миг – вдруг гроза стала словно тише и отдалённое...

И вот – молнии уже перестали вспыхивать...

И гром – грянул ещё вроде... но – совсем уже где-то в отдалении...

И лишь кошка – точнее, кошкина тень – взвыла в последний раз... каким-то не кошачьим голосом... и исчезла.

Просто исчезла – и всё.
Растворилась в воздухе.

Солнце лилось в окно – щедро, тепло, целым водопадом золотистых лучей!

– Ну, как ты, сын? – бодро спросил отец ещё на подступах к комнате – ещё с лестницы.

Лёшка с трудом открыл глаза... чуть повернул голову...

Папа вошёл – и остановился.

– Та-а-ак... – протянул он задумчиво.

– Что там такое? – встрепенулась мама, поднимавшаяся следом.

И – увидев – винтовку на полу возле дивана – всплеснула руками:

– Господи Боже! Что случилось! Ты зачем взял оружие! Да ты что!..

– Слушай, женщина, – вежливо, но строго, и очень внушительным тоном, не терпящим возражений, произнёс папа, – тут мужчины сами разберутся. А ты лучше, пожалуйста, приготовь нам завтрак. Наш герой наверняка здорово проголодался. С разбойниками воевать!

– Ладно, хорошо, – сдалась мама, – пойду сделаю пока завтрак. Омлет с помидорами и сыром и бутерброды с чаем устроят героев? И ещё остались вчерашние сырники, со сметаной и вареньем.

– Отлично! Спасибо, – ответил отец, – мы скоро придём.

И мама ушла вниз.

Отец поднял винтовку, протянул над диваном и аккуратно повесил на стену.

Лёшка лежал и смотрел вверх на отца, насупившись.

Ожидал взбучки.

Но отец – лишь вполголоса заметил, что с оружием нужно обращаться очень аккуратно, осторожно и бережно.

И – с уважением.

И – никогда – слышишь, никогда! – не использовать просто так.

И – не поднимать на человека. Тем более – в мирной жизни!
Не только – на человека, но – и на всё живое.

– То был не человек, – шмыгнув носом, пробубнил Лёшка. – То была ведьма.

– А кто дал тебе право – определять: кто есть кто? – сурово спросил отец и внимательно заглянул в глаза сыну.

– Я не определял, – ответил сын, тоже глядя – прямо – в глаза отцу: – Во-первых, она сама пришла... Хотя – у нас и все двери, и окна – всё было закрыто. Задраено! Потому что была гроза.

И как эта чёрная кошка оказалась в моей комнате – я не знаю, – объяснил Лёшка: – Но даже это ещё не всё.

Она хотела прыгнуть на меня.

И она на меня уже прыгнула.

И она... – замялся мальчик.

Вздыхнул – и рассказал всё, как есть.

Отец помолчал.

– Ты будешь смеяться надо мной, да? – тихо спросил Лёшка: – За то, что кошки испугался, да?

– А разве ты её испугался? – спокойно спросил отец. – И потом, знаешь, в мире есть много всякого... Кто знает, может и ведьмы – тоже есть.

И – даже среди нас.

Отец вздохнул, чуть подумал...

Лёшка – ждал.

Либо – взбучки...

Либо – прощения.

И – спохватился:

– А! А винтовку – я не ронял и не кидал! Я аккуратно положил рядом с диваном. Честное слово! Очень аккуратно. Положил, уже после всего.

И тогда уж сам лёг.

– Хорошо, я тебе верю, – сказал отец.

Он видел по глазам сына – знал: всё было именно так, как тот рассказал.

– Я целил прямо в лапу... в мерзкую когтистую лапу...

Но, правда, в лапу – того... чудовища, – смутился Лёшка.

Папа ещё раз спросил: откуда и по какой траектории – прыгнула кошка...

И – как выглядело очертание – того, что прыгнуло на сына... И – примерно – какой длины – были когти...

Получалось – по рассказу сына – что огромное чудовище – тень – прыгнуло, распахнув когтистые объятия...

И – одна лапища – была уже почти у ковра с оружием, а вторая – левая – внизу у дивана... Когтистые лапы – словно пытались схватить диван вместе с тем, кто на нём.

А затем – папа встал и подошёл к стене – к противоположной от дивана.

Здесь, внизу – виднелась свежая – единственная выбоина.

И рядом валялась гильза.

С дивана – лёжа – этой выбоины не было видно.

Прошло лето. Отец – провожая 10-летнего сына в пятый класс – напутствовал его: теперь он уже и правда взрослый...

И – он, отец – гордится своим сыном.

И – всегда будет на его стороне. Что бы ни случилось.

А после уроков – заедет за ним – и отвезёт в секцию.

В хорошую, настоящую.

Для мужественных парней.

Да, и стрелять там тоже нужно. И – много, и – ещё как!

Метко, и долго не целясь.

И Лёшка – вполне сможет добиться успеха и самых высот.

Если, конечно, будет много и упорно трудиться.

Соседская девочка – по даче – к концу лета – вроде стала поулыбчивей...

Лёшка это заметил!

И сам – тоже стал чаще улыбаться! И даже – как-то осмелел – и улыбнулся – ей!

И она... ответила ему!!!

Тоже улыбнулась в ответ!

А в следующий раз – и улыбнулась, и поздоровалась!!

А потом – даже как-то – спросила – тихо-тихо... но он – услышал: что-то спросила про футбол... который накануне смотрели все мальчишки – собрались у кого-то из них в гостях, и шумно болели.

Он ответил... и они даже немножко поговорили.

И – договорились – дружить – на будущее лето!

А ту кошку – ведьминскую – увы... в самом начале осени – разорвал деревенский пёс.

Кто-то из собак – из ближайшей деревни – забежал иногда на дачи: угоститься, с местными собаками подружиться...

Ну, и не понравилась собаке эта кошка...

Хотя – больше ни разу, ни до, ни после – собаки котов не трогали. Вообще.

Кто-то из дачников – увидел застывшую кошку на обочине...

Конечно, узнал, решил сказать её хозяйке...

Подобрал – двумя пальцами – за шкуру...

И – прежде чем сунуть в пакет и отнести – задержал на весу...

Удивлённо рассмотрел лапу...

На одной – левой – лапе зияла огнестрельная дырка навывлет.

«ЗИМНИЙ СОН»

Счастливы счастливые.

(Борхес)

Бабушка болела уже три дня.

Сходила с соседками, тоже пенсионерками – на самодеятельный «песенный концерт душевной лирики» в местный Дом культуры.

– И поют же ведь – ну так проникновенно!.. не то что эти нынешние крикуны, – уговаривали бабушку её приятельницы-пенсионерки из другого подъезда.

Уговорили.

Выступали – дальние родственницы кого-то из соседок...

Бабушка и до этого уже была простывшая. А там – то ли на сквозняке сидела, то ли ещё ноги по дороге промочила – по такой слякоти, поздняя осень...

И – слегла.

Внучка была очень недовольна соседками.

Внучка приехала к своей любимой бабушке на осенние каникулы – а бабушке плохо. И даже видно, что плохо. Лежит, пьёт лекарства.

Пришлось вызвать участкового врача – женщину средних лет с добродушной улыбкой, живущую где-то неподалёку.

– Ничего, для вашей внучки вы неопасны. У вас не грипп, не ангина. Это ваш организм переохладился и дал сбой, и возраст всё же. Плюс – болячки, накопленные за много лет – как раз в такие моменты дают о себе знать. Когда у организма иммунитет нарушен.

А у вас застарелая пневмония, была вылечена, но и осложнения были. Вам сейчас необходимо поберечься.

Отлежитесь недельку, лечитесь и старайтесь не напрягаться. Телевизор можно смотреть, но не много, и читать можете, ориентируйтесь на самочувствие и давление.

С внучкой – пожалуйста, общайтесь на здоровье и к обоюдному удовольствию!

Но – всё делать в эту неделю лучше лёжа или сидя. Хозяйство подождёт. И на кухне старайтесь кулинарные вахты не устраивать. Внучка может вам посильно помочь: в магазин сходить, в аптеку – по рецепту, вот, держите. Сколько внучке? Десять... Больше похожа на восьмилетнего мальчика, худенькая такая, да ещё стрижка. Хотя росточка уже выше среднего. Ну, что, серьёзная девочка уже. Поможешь бабушке?.. Умница. Разогреть что-то, яичницу, не знаю, пожарить.

Да, я понимаю: единственная внучка на каникулы приехала, да ещё праздник завтра, конечно, хочется покулинаруить от души... Но вам нужен покой и отдых. Ну, всего-то хотя бы недельку отлежитесь. А там я опять приду – посмотрим.

Выздоровливайте! И с наступающим вас – Днём Народного Единства!

Придётся вам на этот праздник магазинными яствами угоститься...

Знаю, знаю, – по-доброму засмеялась врач, – про ваши торты соседи уже легенды славают!.. Но – главное сейчас – не перенапрягаться и не стоять на сквозняках. И – принимать лекарства. Если почувствуете себя хуже – сразу вызывайте неотложку.

Присмотришь за бабушкой? – участковый врач ободряюще кивнула внучке, которая тут же серьёзно закивала в ответ – с ощущением ответственности и тревоги за родную бабулю.

Затем доктор тепло улыбнулась бабушке. И, уже на ходу выслушивая слова благодарности и поздравления с наступающим, надела пальто и ушла.

Внучка закрыла за ней дверь и огорчённо вздохнула.

И пошла в большую комнату – присматривать за бабушкой.

– Это тебя Изольда, небось, сгношила, да? На концерт этот. Терпеть не могу самодеятельность. И там, небось, тётеньки выли, родственницы эти чьи-то... Нашли себе жертвы...

И внучка сердито фыркнула.

Бабушка невольно заулыбалась и ответила ослабевшим голосом:

– Концерт как концерт... Послушала, поют приятно, мелодично. Нет, не Изольда Леонидовна. И лучше ты, пожалуйста, по отчеству её называй, даже за глаза. Она человек пожилой, как и я. А то вдруг случайно услышит – обидится. Да и некрасиво так.

– Да ну, скажешь тоже! Это только она – пожилая! И противная. Вся фальшивая какая-то. И улыбка у неё – тоже фальшивая. И волосы – для её возраста – слишком ярко красит! И помада – аж за километр видна! Как красный светофор. А скромней надо быть, в шестьдесят лет. И ещё она всё время лезет с вопросами: а как, а чего, про родителей выпытывает... Может, ей ключ от их спальни дать? Ей какое дело?

А ты – никакая ты не пожилая, ты хорошая, и добрая, и весёлая. И ты настоящая. Ты – моя бабулечка. Вот так.

Выпалив всё это, внучка быстро подошла к дивану, на котором сейчас полулежала её бабушка, резво присела на корточки – и порывисто обняла бабушку, всю обхватила, и прижалась к ней щекой...

И чуть не заплакала: и оттого, что бабушку жалко – ведь ей же плохо...

И оттого, что все планы на эту неделю каникул – теперь насмарку...

А планы – были такие: и по городу погулять, и в центральном парке белок орехами покормить, и в кафе сходить, и в кино сходить, и ещё бабушка ей собиралась обновку купить – такой красивый костюмчик! Трикотажный, синий с оранжевым узором. Юбочка и кофточка, загляденье.

А теперь – что?

Пропала неделя...

И внучка снова вздохнула.

И – вот ещё что: угощение же! праздничное угощение!!!

Бабушка – так вкусно готовит!

А теперь – придётся и правда, обойтись чем-то из магазина.

А торт! – вдруг вспомнила внучка.

Как же торт?

Любимый торт...

Торт «Зимний сон» был самый любимый – и не только у внучки.
Но и у всей семьи.
И у всех соседей.
И – вообще у всех тех, кто его хоть раз попробовал.

Все в один голос говорили, что вкуснее – не ели ничего в жизни.
И вовсе не из вежливости – ну, или не только из вежливости – все так говорили.
А – потому что это было правдой.

– Пропал торт... – прошептала внучка. И горестно вздохнула.

– Твоя мама же просила торт! – вдруг спохватилась бабушка. – Надо же... А у меня из головы совсем вылетело... «Зимний сон».

– Вы совсем уже, что ли, обе – ты и моя мама?! – возмутилась внучка, отпрянула от бабушки и уставилась ей в глаза:

– Какой, на фиг, «Зимний сон»?! Ну, то есть, я хотела сказать, – тут же поправилась она, – ни в коем случае. Тебе же доктор сказала русским языком: всю эту неделю ты отлёживаешься. И мы с тобой даже никуда не ходим. И костюм не купим... Ну и ладно! Но ты выздоровеешь, поняла? Медицину надо слушать! И никаких тортов! Варенье тоже вкусное.

А маме я сама сейчас позвоню – и скажу, что им тоже торт отменяется. Пусть в пекарне закажут. Да они с папой просто не знают, что тебе так плохо! Вот и всё.

А как только я ей объясню – так она и сама сразу же откажется, чтоб ты ей торт делала! Вот увидишь!

И внучка ринулась в прихожую – где обычно на тумбочке стояла бабушкина сумка – строгая и скромная коричневая женская сумочка средних размеров, а в ней обычно бабушка забывала свой сотовый.

И дочь всегда отчитывала бабушку, т.е., свою маму: мол, когда звонит ей – всегда должна ждать, как по городскому – пока та подойдёт к своей сумке в коридоре и вытащит телефон; что, сразу нельзя вынуть его из сумки, придя с прогулки или из магазина – и класть рядом с собой?

Внучка в два прыжка оказалась в прихожей – схватила сумку и поскакала обратно в большую комнату – чтобы звонить по бабушкиному мобильнику в бабушкином присутствии. Но вдруг сумка сама запиликала – зазвонил мобильник.

Внучка на миг остановилась – и тут же протянула сумку бабушке.

– Ой, спасибо, – выдохнула бабушка, выудила из недр телефон и ответила.

Звонила внучкина мама – бабушкина единственная дочь.

Завтра – в День Народного Единства – дочери исполнялось 30.

Юбилей.

И дочка очень хотела, чтобы её мать сделала к юбилею торт «Зимний сон».

Юбилей был поводом.

Муж дочери – внучкин папа – зазвал на праздничный обед серьёзных гостей.

Ожидались: заведующий его кафедрой с супругой, два старших преподавателя с его кафедры с супругами, пожилая дама декан без спутника, очень пожилой профессор без спутницы, и даже проректор с супругой.

Внучкиного папу – ещё довольно молодого преподавателя (всего на три года старше своей супруги) и просто кандидата наук – в университете уважали. И студенты, и коллеги с его кафедры, и руководство.

Умный, прекрасно образованный, с дипломом престижного вуза, много работает, находит общий язык и с коллегами, и со студентами, при этом всегда сохраняет чувство внутреннего достоинства, хорошее чувство юмора. А главное, знает свой сложно-технический предмет досконально – и не останавливается на этом.

Исключительно из уважения к молодому коллеге – его более опытные и гораздо более старшие сослуживцы – согласились любезно принять его приглашение.

И, вместо того, чтобы привычно поехать на ноябрьские праздники на дачу с камином, или отправиться в другие гости, ко взрослым детям с внуками, дальним родственникам или старинным друзьям семьи – пообещали прийти домой к нему и его жене-юбилярше.

Вообще-то, так было не принято.

По домам к друг другу университетские преподаватели ходили очень редко.

И времени нет, да и вправду не принято.

А юбилеи отмечали или прямо на работе, на кафедре виновника торжества, или в кафе / в ресторане: по средствам.

Но это приглашение приняли все приглашённые.

Ну, праздник, всё-таки.

И новоселье у молодого коллеги, который недавно въехал в эту новую квартиру – от университета, кстати. Сделал наскоро ремонт, теперь празднует новоселье. Вот и позвал своих коллег.

Ну, а юбилей его супруги...

Она не работала в университете. Работала в сторонней лаборатории. Но теперь – с помощью своего мужа – переходила на преподавательскую должность. В этот самый университет.

Серьёзный университет республиканского масштаба – лучший в республике по своему профилю – с солидной репутацией и очень нужными в промышленности сложно-техническими специальностями.

Юбилярша давно готовила почву для перехода. Ещё бы: сразу такой скачок в статусе! Да и – при муже постоянно...

И супруг в итоге сдался. Ну, что поделаешь, раз уж любимой жене так хочется... Ну так уж прямо хочется! И он навёл справки, разузнал, переговорил...

И – его супругу взяли в университет, на вакантное место.

Ну, что ж, диплом позволяет – который он сам когда-то и помог ей получить, полностью написав за неё дипломную работу; они учились в одной группе.

От университета преподаватели получили дачные участки – все одинаковые, по шесть соток.

Сугубо под дачное строительство – с обычными постройками максимум в два этажа, есть несколько утверждённых типовых планов коттеджей – вполне достаточно, а хоромы здесь возводить незачем. Можно – только дачные дома. Скромные.

Во-первых, природоохранная зона – уже само по себе роскошный подарок: чистейшая шикарная природа, лес, река – и правильная экология.

Во-вторых, зачем интеллигенции огромные дворцы? Университетским преподавателям – для удовлетворения своих потребностей – а также амбиций – вполне должно хватать и двухэтажного коттеджа на семью. Все семьи – стандартные современные, по дюжине детей – ни в одной нет. Ну, и достаточно.

А в-третьих: как бы они, преподаватели – если б захотели себе дворцы отгрохать – за них отчитывались?

И что объясняли бы в налоговой? И – своим же коллегам?..

Ну, и опять же, главное: зачем?

И все на дачах довольствовались симпатичными двухэтажными домиками.

Внучкин папа – как самый молодой преподаватель – построился позже всех. И не такой зажиточный пока что, как остальные, это понятно. Не успел ещё столько молодых специалистов подготовить для народного хозяйства, а значит, получить такое количество зарплат, как остальные. И не успел ещё написать столько научных статей, в том числе и в зарубежные издания, а значит, получить столько гонораров. И т. п.

Это лето – которое прошло и закончилось, и теперь заметалось ворохом пожелтелой листвы, и уже даже засыпалось ранним снегом – было первым летом, которое молодая семья прожила в дачном домике. А не в палатке рядом.

Молодой глава семьи вкалывал и торопился. Ему помогал младший брат. И ещё регулярно приезжала из города бригада рабочих на грузовике. И потом – уже после бригады квалифицированных рабочих – на разные доделки-подработки приглашались мужчины и парни из ближайшей деревни.

Задействовались даже дочка-школьница: доски подтащить, побыть грузиком у двуручной пилы – крепко вцепившись обеими руками в ручку пилы со своей стороны.

– Да папа, да нам полезно так, это тоже как тренировка, циклическая, понимаешь? Тренер нам даже похожие упражнения со жгутом советовал дома делать, по выходным, дополнительно, – уверяла дочка папу.

– Ну, ладно, – строго согласился отец, – только держись крепко и руки не отпускай. А захочешь отпустить – сначала мне скажи. И я сразу остановлюсь. Поняла?

И так они много досок распилили, на нужные размеры, за предыдущее лето.

И вот – у них своя дача! А на даче – собственный домик! Двухэтажный.

Мама всё лето была очень любезна и улыбчива со всеми соседями.

Многие соседские семьи – старше, уже взрослые дети, а у кого-то и внуки есть.

И дачники – охотно останавливались поздороваться с приветливой соседкой и перекинуться парой слов про дачные дела: и встретив на улочке, и – даже увидев в саду близ калитки, проходя мимо их совсем невысокого и, скорее, символического забора – как у всех. Да и зачем тут – глухие заборы? Ведь все свои.

Всё равно все друг про друга всё узнают...

Лето прошло... Облетела с деревьев листва. Стало всё голо...

То, что летом пряталось под зелёными разросшимися деревьями, за пышными кустами, скрывалось среди пёстрых разноцветных цветов – теперь вдруг обнажалось...

И обнажилось совсем.

Внучка не верила своим ушам.

Сначала, когда бабушка вкратце рассказала маме о том, что заболела, лежит, приходил врач, – внучка слушала спокойно и отстранённо. Да и – не дело это, детям изо всех сил вслушиваться во взрослые разговоры. Потому внучка очень-то и не вслушивалась. Так, разве что, краем уха.

И ждала: вот сейчас мама наговорит бабушке добрых слов сочувствия и тёплых пожеланий поскорее выздороветь.

И, конечно, выдаст кучу извинений – за беспокойство, за то, что – вот, тут, с этим тортом... пристала не вовремя. Интеллигентно, в общем, поступит.

Ну, и чисто женское – ах, ах, и всё такое – тоже никто не отменял. Миленько так.

И – на этом всё, и бабушка с внучкой останутся-таки наедине друг с другом.

И внучка уложит бабушку отдыхать! И станет изо всех сил её лечить и за ней присматривать. И кормить лекарствами по рецепту.

Но разговор пошёл не так.

И, судя по интонациям, в тишине квартиры явственно доносившимся из мобильного – маму ситуация раздражала.

– Мама, мы с тобой договорились! Ты мне обещала. Ты дала мне слово, что сделаешь торт. И я на тебя понадеялась, – с металлическим звоном доносились из трубки мамины наиздания.

– Доченька, – дождавшись паузы, бабушка вздохнула сокрушённо.

И стала объяснять ситуацию:

– Доченька, я и правда плохо себя чувствую. Даже в руку сильно отдаёт. И давление. Ты же знаешь, я всегда с удовольствием всё для тебя делаю. Но сейчас – я просто не в состоянии. Мне и правда тяжело. Даже просто стоять трудно. А этот торт – он требует долгой подготовки, и по времени очень много...

– Мама. Значит так. Ты обещала? Обещала, – перебила дочь. – Я на тебя понадеялась. Я хочу – я очень хочу – чтобы ты сделала для меня торт. Именно «Зимний сон». У нас будут очень серьёзные гости, этот торт им понравится.

– Дорогая, – грустно вздохнула бабушка, – но ведь вы ещё успеете заказать хороший торт. Гости к вам придут завтра – после обеда, так? Ещё же целые сутки.

– Мама, завтра мы приедем. Мне нужен именно «Зимний сон». Заказной выпечкой их не удивишь. Постарайся, пожалуйста. Я очень тебя прошу! – и мамин голос вдруг сделался мелодичным и нежным. – Пожалуйста, хорошо! Чтобы я не ударила лицом в грязь перед гостями. Ну, ведь ты же знаешь, это для меня очень важно. И у меня же не каждый день юбилей, правда? А торт у тебя получится чудесный! Я в этом нисколько не сомневаюсь. Всё, пока, выздоравливай, целую тебя. Завтра в полдень мы приедем за тортом.

Бабушка тихо опустила руку со стареньким и немодным мобильником в сумку, и он скользнул опять куда-то в сумочные недра.

Внучка была вне себя. Уставилась на бабушку в упор, в глаза – и, тяжело дыша, чтобы только не заплакать, и зря её не огорчить, – выпалила:

– Что она себе позволяет? Она совсем уже Бога не боится? Как так можно! Как можно быть такой чёрствой, бесчувственной и злой?!

Бабушка вздохнула:

– Маленькая моя, не нужно так говорить. Это нехорошо. Она же твоя мать.

– Да?! Называть её бесчувственной и злой – нехорошо, хотя это вообще-то правда! А – так обходиться со своей пожилой мамой, которая к тому же заболела – это хорошо?! Вообще-то ты тоже мать – для неё. Она – тоже твоя единственная дочь! Или она забыла?!

Бабушка собрала остатки сил – и улыбнулась.

Улыбнулась – как всегда, по-доброму и миролюбиво.

Разве что – чуть грустно и устало.

И внучка сразу опустила глаза – и горько вздохнула, отчего худенькие плечи сначала сильно поднялись... И тут же опустились на место.

Да уж... Не трепать же нервы своей бабулечке лишний раз, – подумала внучка. – Хватит с неё и мамы.

Посмотрела на бабушку – уже спокойнее – и тоже постаралась улыбнуться.

И снова присела на корточки – к ней поближе.

– Ну, вот, всё будет хорошо, – ласково сказала бабушка и родной тёплой ладошкой тихо погладила внучку по макушке. – Давай не будем огорчаться, хорошо.

Внучка кивнула в ответ, пряча грусть.

– А торт мы с тобой всё же сделаем, давай? – очень мягко сказала бабушка. – Я так хочу ей помочь! Это действительно важно. И я ведь ей и правда пообещала. Раз уж обещала, сделаю. Пожалуйста, пойми это, хорошо? Она так волнуется...

– Ладно, – деловито подхватила внучка, – тогда давай так: ты минимально торчишь на кухне и максимально вылёживаешься. А я – максимально тебе помогаю. Всё предварительное я и сама могу сделать – просто под твоим чутким руководством. Заочным! С дивана! То есть, твой командный пункт – на твоём диване.

Соглашаюсь только на таких условиях! Дипломатическая нота! Ультиматум! Вот такой наш ответ Чемберлену!

Они обе засмеялись – тихонько и весело, глядя друг на друга.

И у обеих лучились глаза – пониманием, родным теплом и любовью.

– А откуда ты знаешь про Чемберлена? Где-то прочла? – спросила бабушка.

Внучка озадаченно сдвинула брови, подумала – но так и не вспомнила. И дёрнула плечами: – Да не знаю я! Не помню. Где-то ж вычитала.

И они обе снова весело и тихо рассмеялись, тепло глядя друг на дружку.

В дверь позвонили.

Внучка вскочила пружиной и кинулась в прихожую – открыть.

– Спроси, кто! – собрав силы, как можно громче напомнила бабушка вслед.

В комнату вплыла Изольда Леонидовна, в длинном ярком домашнем платье и с широкой улыбкой, чисто по-соседски.

Внучка дала себе установку: быть с ней приветливой и учтивой («ради бабушкиного здоровья»). И даже решила не обращать внимания на её пунцовую помаду, которая, как всегда, была налицо, даже дома.

Внучка так решила не только из-за бабушки – хотя это, конечно, было сейчас основное: лишний раз не огорчать, не усугублять.

Просто – после телефонного разговора – Изольда Леонидовна почему-то уже не казалась внучке такой уж противной.

Тем более, что её визит был кратким – как всегда, когда у бабушки гостила внучка. Ну, а бабушкино общение во внучкино отсутствие – это уж не внучкина забота.

Изольда Леонидовна посетовала на позднюю осень и сырую погоду.

С жаром призывала бабушку поскорее поправиться, выздороветь и больше никогда не болеть, и бабушка, кажется, немного устала благодарить за все заклинания.

Далее соседка пылко порывалась сходить для бабушки в аптеку – а если там чего не будет, так есть знакомые врачи, тут же всё раздобудут. И, кажется, бабушка снова немножко утомилась вежливо и с благодарностями отнекиваться. И уверять, что лекарства в рецепте недорогие и общедоступные. И внучка ходит в аптеку сама, здесь же совсем рядом, в соседнем доме.

И тогда Изольда Леонидовна предложила сделать торт.

Роскошный – и в то же время очень нежный и тающий во рту – «Наполеон». Или даже – бабушкин коронный! – «Зимний сон». Она знала, что на важные праздники бабушка всегда делает один из этих тортов. И теперь хотела помочь, раз уважаемая соседка болеет: сделать ей приятное.

Услышав, что бабушка как раз собиралась делать «Зимний сон» – причём, обязательно, потому что дочь очень просила, – Изольда выказала такое рвение – что тут уже отказаться не было никакой возможности. Бабушка попыталась – но стало ясно: отказ нанесёт Изольде Леонидовне такую душевную травму... Что восстановить добрососедские отношения будет очень непросто.

И бабушка сдалась.

Изольда Леонидовна уже почти полетела из квартиры – буквально, на крыльях радости – едва вырвав бабушкино согласие.

Но бабушке всё же удалось её остановить – и вручить заготовленные ингредиенты. А то соседка хотела тут же отправиться на центральный рынок – самой всё закупить. Всё самое лучшее.

– Покажешь Изольде Леонидовне, где у нас на кухне лежит всё, что нужно на торт, – попросила бабушка внучку: – Грецкие орехи, мак, изюм – в верхнем шкафчике, ты знаешь. Там же ромовая эссенция, да, на малюсенькую пробирку похоже. Там же особый сахар и ванилин. Там всё уже отмерено, в нужных пропорциях, и всё отборное, подходящее, мука там же... Изольда Леонидовна, пусть останется, ничего страшного... да ну что вы, не нужно возвращать остатки... Да что вы, большое вам спасибо, что вызвались помочь... Сливочное масло в холодильнике... Да, для дочери это очень важно, юбилей 30 лет, и переходит на новую работу, и гости для них важные ожидаются... Спасибо вам, спасибо!.. Ели вы совсем уж отказываетесь

от денег ...нет, ну что вы, я не хочу вас обидеть, хорошо-хорошо, спасибо вам большое – а я вам к Новому году сделаю торт, хотите? Договорились! Ещё раз вам большое спасибо.

Внучка повела соседку на кухню, выдала всё, что нужно на торт – всё, что сказала бабушка. Аккуратно сложила в большой пакет с ручками.

Уходя, сияющая соседка ещё раз уточнила, к которому часу приготовить – и воодушевленно пообещала принести – завтра, до полудня.

Готовый торт «Зимний сон».

– Ну, вот, и славненько! – обрадовалась внучка, закрыв за соседкой дверь и вернувшись в большую комнату, к бабушке:

– Ну, ладно, признаю, я была к Изольде несправедлива. То есть, к Изольде Леонидовне. Вот ей и правда спасибо, а! Вот молодец какая! А ты лежи отдыхай. Давай я тебе телик включу, хочешь? Я сейчас в аптеку пойду, и в магазин, нам что-нибудь нужно, батон там, ещё что-то? Или у нас всё есть? – деловито засобиралась внучка.

– В магазин ходить не нужно, у нас с тобой есть всё. И батон, и хлеб, и к чаю, и сегодня поесть, и завтра на стол поставить. Я же к твоему приезду подготовилась, – тихонько и ласково засмеялась бабушка.

И у неё на глазах вдруг выступили слёзы.

– Всё ясно! это у тебя температура, – воскликнула внучка. – Тогда пока без телика! Много смотреть в экран вредно. Спи, хорошо? А я схожу в аптеку. Я быстро!

– Я тебя дождусь, пообедаем, а тогда уж и посплю. А вечером мы с тобой сделаем торт.

– Как?.. – остановилась внучка и воззрилась на бабушку: – Так ведь Изольда Леонидовна всё сделает! И завтра принесёт... Или ты думаешь, она может подвести?

– Я уверена, что она очень постарается, – объяснила бабушка, – но на всякий случай лучше подстраховаться. Вдруг у неё что-то пойдёт не так? А торт мы обязательно должны сделать.

– А, он, значит, невкусный будет, да? – догадалась внучка.

– Ну, зачем же сразу невкусный. Изольда Леонидовна будет стараться, сделает всё по рецепту, она у меня давно его попросила, я ей переписала и объяснила подробно, и однажды она смотрела здесь у меня на кухне, как я его делаю, от начала до конца. Торт у неё получится вкусный. Очень вкусный, я в этом уверена. Но...

Понимаешь, твоя мама хочет – рассчитывает – что торт сделаю именно я, – тихо добавила бабушка. – Не хочу хвастаться, не люблю этого, но... Мой торт получается немножко другим. Хотя я всё делаю так, как объясняю соседкам и подругам – когда они просят рецепт и секреты приготовления...

Но почему-то у всех он получается чуть-чуть другой...

И – у всех разный.

– А куда мы Изольдин торт денем? Выкинем?.. – озадаченно спросила внучка.

– Да ну что ты! Кто ж хорошее добро выкидывает! Тем более что Изольда Леонидовна сделает отличный торт. Завтра праздник, я ведь собиралась испечь два торта – одинаковых, твоим родителям и нам с тобой. Нам тоже нужно на праздничный стол. Ко мне любимая внучка приехала! Как же не порадовать! К тому же и каникулы, и праздник! Вот, один торт у нас уже будет! – улыбнулась бабушка, – а то два мне сейчас совсем не сдюжить... Изольде Леонидовне большое спасибо за помощь.

А твоим родителям – мы с тобой вместе сделаем. Ты ведь поможешь мне?

– Конечно! – с готовностью воскликнула внучка.

И строго добавила: – Уж ж договорились.

– Вот и хорошо. И тебе спасибо за помощь, – снова улыбнулась бабушка.

И спохватилась: – Только, смотри, не выдай, что мы Изольда-Леонидовны торт сами съедим! А то она страшно обидится.

Не надо зря людей обижать. Человек искренне вызвался помочь.

Внучка заверила бабушку, что всё будет шито-крыто, и умчалась в аптеку.

Было уже совсем темно, когда бабушка проснулась.

Три часа, что бабушка спала, после обеда, до вечера – внучка в другой комнате читала книжку, забравшись в кресло с ногами, а если надо было пройти по квартире – ходила на цыпочках, тихо-тихо...

Начитавшись, пошла на кухню – не включая свет, стояла у стола, молча смотрела в окно.

И думала: вот, бабушка проснётся – ещё можно будет чаю попить... А есть совсем и не хочется – после такого обеда, сытного, вкусного, от всей души – для внучки! Бабушка-то сама почти ничего и не ела, болеет, так, супчику только немножко.

За окном всё было белым-бело.

Что-то тихонько насвистывала метель, словно звала всех за собой, вместе спеть и закружиться в белом пушистом вальсе...

Вьюга на лету закручивала миллиарды снежинок в затейливые узоры – то выстреливала серпантинном, то смыкала олимпийскими кольцами, то развешивала в воздухе белоснежные замысловатые кружева – в свете фонарей то серебрёные, то золочёные, то сверкающие всеми бриллиантами этого мира.

Переливающийся кружевной покров затихал перед окнами – словно кто-то невидимый где-то высоко держал его за огромные уголки, легонько встряхивая...

Казалось: весь мир превратился в единый сверкающий кружевной покров.

И – тут же всё снова приходило в какое-то радостно-суетливое движение.

Из другой комнаты бабушка позвала слабым со сна голосом, внучка вынырнула из кружевных грёз, в три прыжка оказалась в комнате и включила торшер у дивана.

– Так поспала хорошо... и сон такой милый приснился, – щурясь от мягкого света, тихо произнесла бабушка, приходя в себя.

– О чём? – с готовностью подхватила внучка.

– А вот уже и не помню, – улыбнулась бабушка, – помню, что зимний. Снежный. Красивый.

– Это к счастью! – обрадовалась внучка и помчалась на кухню ставить чайник. – Это к большой удаче! – протараторила она на ходу. – Точно говорю! Так девочки в классе сказали.

Правда, они говорили, что это к свадьбе, – объяснила она, уже вернувшись в комнату. – В общем, полностью выздоровеешь! Расцветёшь!! И замуж выйдешь!!!

После весёлого чаепития бабушка смотрела телевизор. А внучка периодически ходила на кухню – в нужное время: то здоровенный сладкий изюм замочить, то масло из холодильника достать, чтоб нагрелось до комнатной температуры, то ещё что...

Наконец, бабушка с внучкой переместились в кухню.
Бабушка принялась за торт.
«Зимний сон».

Внучка тихонько сидела рядом, сбоку стола, и внимательно смотрела.
Иногда что-то спрашивала – так, потихоньку, чтоб не под руку...
Бабушка отвечала, негромко, не спеша. По-доброму. Всё объясняла.

– А почему твой торт всегда получается – особенный? Ведь у тебя и правда – не так, как остальные... Ты знаешь какой-то особый секрет?

Бабушка легонько вздохнула. Улыбнулась. И объяснила:

– Да какой секрет... Во-первых, я всегда стараюсь брать хорошие компоненты. Я же делаю торт по праздникам, угостить – тебя, твоих родителей, соседей, приятельниц, добрых знакомых... Людей же не будешь кормить абы чем.

Отсюда же – во-вторых: я никогда не делаю абы как. Всегда стараюсь. Ну, а как иначе? Если делать тят-ляп – так лучше не делать вовсе. И я всё же действительно умею это делать, и делаю с удовольствием. На совесть.

А отсюда – и в-третьих. Если что-то делаешь – то делай с душой. С добротой. С хорошими намерениями и пожеланиями.

И я же не на продажу делаю, и не для меня. А – просто так. И – с любовью.
Вот и все мои секреты, – ласково засмеялась бабушка.

К утру вьюга стихла.

За ночь – едва не завалив снегом весь окружающий мир! И превысив все мыслимые нормы снежных осадков – не только во всех ноябрях, но и за все зимние месяцы последних двадцати лет.

И вокруг всё было укрыто и укутано самым пушистым и нежным покровом.

Но юной зимушке-зиме и дела не было до всех рекордов вместе взятых, и она намеревалась снова как следует сыпануть снегом, и новые пуховые хлопья – всё больше и больше – невесомо закружились на светлом небе.

Изольда Леонидовна принесла свой «Зимний сон» в половине двенадцатого.

Тщательно причёсанная, нарядная, в бусах.

Радостно сияя, торжественно водрузила своё творение посреди чистого и пустого кухонного стола.

И чуть смущённо прокомментировала:

– Я решила принести пораньше, чтобы наверняка. Чтоб вы не волновались!

И, выслушав бабушкины благодарности, великодушно добавила:

– И чтобы не столкнуться с вашими детьми. Они скоро должны подъехать, да? Вы им не говорите, что это я делала. А то вдруг им неудобно будет... Я не выдам! Пусть они думают, что это сделали вы!

Бабушка заверила, что дети – дочь с зятем – ни о чём не узнают.

Поздравила с Днём Народного Единства, подарила бутылочку наливки.

Когда Изольда Леонидовна ушла, бабушка подменила торты.

В дверь настойчиво позвонили.

– Мама, привет, ну что, готово? Как ты себя чувствуешь? – спросила дочка, стряхивая с себя последнюю невидимую снежинку и прикрыв входную дверь.

– Спасибо, мне получше, – тихо ответила бабушка, и в её голосе сейчас слышались и строгость, и грусть... и даже горечь. – Может, чаю выпьете?

– Нет, мы очень торопимся, давай тогда я заберу торт, и мы поедем.

– А ты его сама понесёшь? Он же большой, тяжёлый.

– Ничего, донесу, – нетерпеливо тряхнула волосами дочка и переступила на каблучках, – машина у подъезда, а он не стал подниматься, он спешит.

Бабушка с дочкой пошли в кухню. Бабушка вручила дочери приготовленный загодя подарок – красивую неохватную павло-посадскую шаль из тончайшей шерсти с шёлковой бахромой: на изумрудном поле выются тонкие узоры в цвете нежной сирени и розанов шиповника; поздравила тепло – и наскоро: дочка торопилась.

Входная дверь распахнулась, стремительно вошёл зять и громко поздоровался.

– Привет, пап, – обрадовалась внучка, до этого молча стоявшая в большой комнате и издали хмуро наблюдавшая за мамой.

– Привет, – бодро отозвался отец. – А ты что, в гости в пижаме собралась? А где бабушка?

И – тут же уважительно поздоровался с бабушкой, выглянувшей с кухни.

Начал спрашивать: точно ли им – бабушке с внучкой – очень хочется идти в те гости, и точно ли они отказываются поехать сейчас вместе с ними...

Увидел бабушку – бледную, в аккуратном платье – домашнем, а не праздничном... И осёкся.

– Какие гости? – удивилась внучка, – бабушка болеет. Мы все каникулы дома.

– Как – болеет? – удивился папа. Кинул быстрый взгляд на возникшую на пороге кухни супругу-юбиляршу с подарком...

Горько вздохнул. Помолчал немного. Повернулся к бабушке:

– Ладно, ясно. Пожалуйста, извините. Что так получилось... Н-да...

Но – может быть, поедете с нами? У нас есть полчаса в запасе, мы подождём, пока вы соберётесь. Совершенно спокойно! Тебе-то, вообще, что там собираться, – кивнул он своей десятилетней дочери, – быстро переоделась, и всё.

И снова повернулся к бабушке.

– Спасибо за приглашение, – искренне поблагодарила она, – но я не очень хорошо себя чувствую. Сегодня уж не до гостей, – заулыбалась она примирительно.

– Как же вы тогда торт делали? – негромко спросил папа, – это же целое дело.
Взглянул на тещу. Затем – на жену...
И мрачно выдохнул куда-то вбок.

– Не переживай, – спокойно и легко сказала бабушка: – И вы поезжайте, чтобы не мчаться, да ещё все дороги замело. А мы тут вдвоём хорошо проведём время.

У нас же вот такая помощница растёт, – и бабушка с тёплой улыбкой кивнула на внучку. – Вчера так хорошо мне помогала. И в аптеку сама ходила, здесь рядом.

И добродушно добавила – и зятю, и пришедшей с кухни дочери:
– Всё в порядке. Желаем вам хорошо отпраздновать. Надеемся, торт гостям понравится. Пусть у вас всё получится! С юбилеем! И с праздником!

Двенадцать присутствующих отобедали.

По приглашению хозяев, гости бегло и деликатно осмотрели новую квартиру – без излишне пристального внимания, но не забывая ненавязчиво и вовремя хвалить.

И теперь все продолжали спокойно и дружелюбно общаться.

Мужчины изредка выходили в лоджию: кто-то – покурить, кто-то – просто за компанию, дабы не прерывать интересный разговор, про науку или за жизнь.

Женщины оставались в большой комнате, за большим столом, и тоже мирно и приятно о чём-то беседовали – стараясь избегать сплетен, колкостей и неудобных тем.

Порой хозяйка-юбилярша выходила на кухню – то отнести лишнюю посуду, то принести новое блюдо, то ещё за чем-то, и кто-то из гостей вскользь предлагал свою помощь, но хозяйка с обаятельной улыбкой благодарила и отказывалась, ей было неудобно беспокоить гостей, старших – и возрастом, и положением; хотя раза два гости всё же аккуратно помогли ей – и видели, что она им очень благодарна.

И все гости обоих полов, конечно, не забывали делать обаятельной хозяйке комплименты – неизбито-искренние и шутливо-уместные, умело, прилично, со вкусом.

Но вот, наконец, гастрономическая пауза после основных блюд сытного обеда подошла к концу.

Настало время чаепития.

Всё не нужное для чая – убрано.

Своё законное место на столе занял изысканный чайный сервиз на 12 персон – гордость хозяйки: красивый тонкий дорогой фарфор, подарок родителей мужа.

И – самый торжественный момент: водружение торта. В центр стола.

После мига молчаливого восхищения – заговорили все сразу, с удивлёнными и в то же время радостными улыбками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.